

А.М. Обломский

**СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОДНЕПРОВЬЯ В VII в. н. э.***

В последнее время отчетливо проявилась тенденция рассматривать археологические явления на территории Днепровской лесостепи изолированно друг от друга. В частности, в работах В.В. Седова, В.Д. Барана и О.М. Приходнюка древности колочинской и пеньковской культур обычно анализируются исключительно в славянском или славяно-балтском контексте. Указания на контакты оседлого славянского и кочевнического населения, как правило, ограничиваются перечислением элементов степной культуры на раннеславянских поселениях и находок круга так называемых древностей антов в лесостепных ингумациях¹.

Специалисты по степной археологии Р. Рашев и А.В. Комар памятники вроде Малого Перещепино, Новых Санжар, Рябовки-3, которые находятся на территории лесостепи, склонны сопоставлять с древностями степей (что вполне справедливо). При этом их соотношение с лесостепными памятниками специально не рассматривается².

* Статья является существенно расширенным и переработанным вариантом работы, опубликованной: *Обломский А.М.* Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2007. № 1–2. С. 3–12.

¹ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М., 1982. С. 19–34; *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68–94; *Баран В.Д.* Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1.; *Баран В.Д.* Давні слов'яни // Україна крізь віки. Київ, 1998. № 3. С. 50–70; *Приходнюк О.М.* Анти, склавіни та венеди в світлі історичних та археологічних джерел // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001; *Приходнюк О.М.* Відносини східних слов'ян із тюркомовним світом // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.

² *Рашев Р.* Прабългарите през 5–7 вв. Велико Търново, 2000; *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. № 5.

Я хочу обратить внимание на связь между собой различных и весьма своеобразных археологических явлений, зафиксированных на территории лесостепи в период раннего средневековья. В задачи работы не входит анализ хронологии комплексов. На этот счет существует довольно обширная литература, хотя высказанные специалистами точки зрения зачастую и противоречат друг другу. Настоящая статья представляет собой развитие некоторых мыслей, которые были высказаны в монографии «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст» и в ряде моих последующих работ³. Материал лесостепного Поднепровья достаточно сложен, в его изучении имеются территориальные и хронологические пробелы. Он распадается на серию на первый взгляд разнородных элементов, которые, тем не менее, находятся в определенном соотношении друг с другом. При их рассмотрении возникает образ некой ткани. Рисунок этой ткани до конца не ясен, но можно попытаться представить себе его основные контуры. Ниже приводится их описание.

Клады круга древностей антов первой группы. В 1990 г. О.А. Щегловой была опубликована основополагающая статья, где довольно аморфный массив кладов, которые были ранее отнесены условно к древностям антов, разделен на две группы по составу основных категорий и типов вещей⁴. К первой (ранней) группе кладов, эталонным для которых является Мартыновский, относятся также комплексы из Блажков, Малого Ржавца, Хацков, Смородино, Мены, Нижней Сыроватки, Колосково, Углов, Цепляево Первого, Трубчевска, Суджи, Гапоново, Козиевки-Новой Одессы, Великих Будков, Валуек, Куриловки и еще нескольких, известных по грабительским раскопкам⁵. Состав этих кладов довольно стабилен, в наиболее полной форме он

³ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 96–124; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. М., 2009; Обломский А.М. О способе организации гончарного производства на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2; Обломский А.М. Гончарные центры на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

⁴ Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

⁵ Там же; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 53–57. Публикации комплексов см: Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996 Т. V; Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996; Дьяченко А.Г. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславян-

представлен в Мартыновском, Суджанском, Гапоновском, Козиевско-Новоодесском и Куриловском комплексах. Он включает детали парадного женского убора из бронзы и серебра, изделия из свинцово-оловянистых сплавов разного назначения, мужские наборные пояса, отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, некоторые «несерийные» вещи, назначение которых подчас не ясно.

Из металлических деталей женского костюма к украшениям головы относятся пластинчатые венчики в виде лент и височные кольца (односпиральные и повторяющие форму браслетов или гривен с расширенными концами).

Украшениями шеи являются гривны, которые представлены несколькими видами: изделиями из гладкой проволоки или прута с загнутыми в петли концами; предметами с раскованными пластинчатыми орнаментированными гравировкой и насечкой концами; украшениями с фасетированным, покрытым ромбическими гранями дротом.

Нагрудными украшениями считаются фибулы, которые, как правило, составляют пары. Они относятся к группам пальчатых и антропоморфных. Иногда встречаются широкопластинчатые фибулы. Детали ожерелья представлены цепочками, трубочками-пронизками, двуспиральными, умбовидными, трапециевидными подвесками, лунницами, колокольчиками, стеклянными и янтарными бусами.

Известны, также, сплошные литые с расширенными концами (круглыми, овальными, гранеными, сегментовидными) или изготовленные из дрота с расплюснутыми окончаниями с орнаментом в виде так называемой змеиной головки браслеты⁶.

ского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978; *Горюнова В.М.* Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. 1992. № 1; *Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005; *Родинкова В.Е.* Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4; *Бажан И.А.* Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 1 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 3. С. 96–97; *Бажан И.А.* Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 2 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. No 6. С. 110–126; *Pekarskaja L.V., Kidd D.* Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck, 1994.

⁶*Щеглова О.А.* О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2000; *Щеглова О.А.* Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002; *Родинкова В.Е.* Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. М., 2003. [Ч.] II.; *Родинкова В.Е.* Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. М., 2003. Вып. 215; *Родинкова В.Е.* Днепровские фибулы с

Бляшки и ворворки из свинцово-оловянистых сплавов могли использоваться для украшения одежды и конской узды⁷.

Детали поясной гарнитуры изготовлены из бронзы и серебра (иногда в технике наложения штампованного листа на более мягкую основу). К ним относятся пряжки, наконечники ремней, псевдопряжки, разнообразные накладки. Большинство предметов выполнены в развитии геральдического стиля. Анализ их ареалов показал, что многие изделия имеют локальную днепровскую специфику⁸.

В ряде работ О.А. Щегловой, В.М. Горюновой, И.О. Гавритухина и В.Е. Родинковой, которые цитировались выше, показано, что по происхождению входящие в состав кладов вещи разнородны, ареалы большинства типов весьма широки. Тем не менее, специфический днепровский набор этих предметов формируется к VII в.⁹

Для нашей темы наиболее важна территория распространения именно самих кладов, как области, где происходили военные действия, приведшие к массовому сокрытию дорогих престижных вещей. Этот ареал охватывает лесостепное Поднепровье, частично включая водораздел Днепра и Южного Буга, Днепровское лесостепное Левобережье и бассейн Северского Донца вплоть до р. Оскол, Деснинское Полесье (Рис. 1). Серия находок круга Мартыновского клада известна на Днепровских Порогах¹⁰.

На территории Среднего Поднепровья наибольшая концентрация украшений мартыновского облика (в частности, фибул) отмечена в районе Пастырского городища. О.М. Приходнюк даже считал, что они производились именно там, на Пастырском¹¹. Тем не менее, во время многолетних раскопок этого памятника, проводившихся М.Ю. Брай-

каймай из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (Докл. науч. конф., посвященной 60-ти летию со дня рождения Е.А. Горюнова. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004; *Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антрополомorfных фибул (протые формы) // РА. 2006. № 3.

⁷*Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 16–17; *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

⁸*Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 22–36.

⁹Там же. С. 89–95; *Щеглова О.А.* О некоторых возможностях реконструкции женской одежды. С. 137; *Она же.* «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Междунар. конф., посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (тез. докл.). СПб., 2006. С. 52.

¹⁰*Щеглова О.А.* О двух группах кладов «древностей антов». Рис. 1; *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. Рис. 92.

¹¹*Приходнюк О.М.* Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2000.

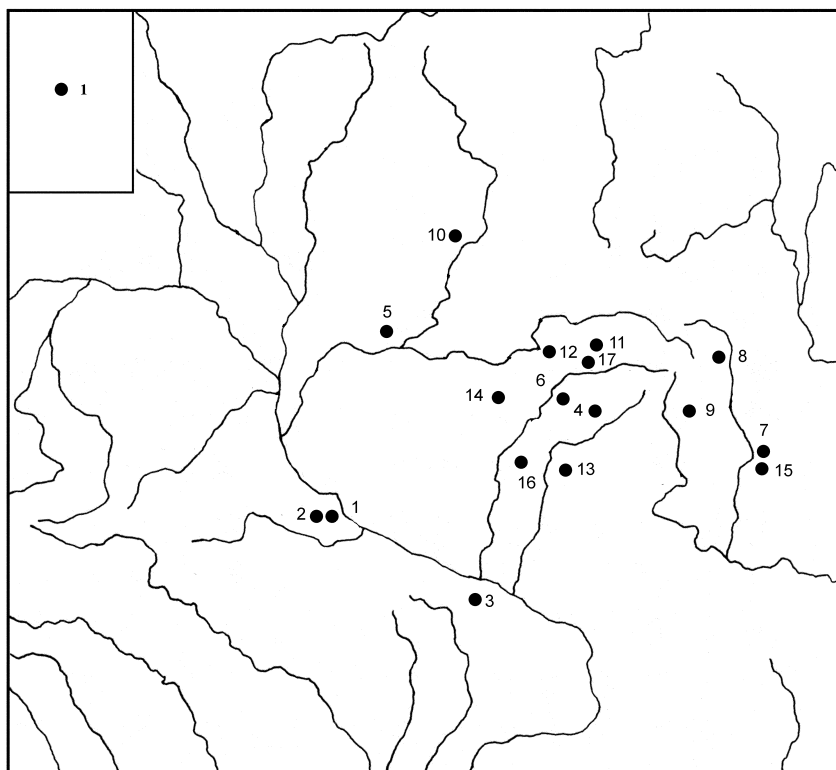

Рис. 1. Клады так называемых древностей антов первой группы по О.А. Щегловой (типа Мартыновки)

1 — Мартыновка; 2 — Малый Ржавец; 3 — Хацки; 4 — Смородино; 5 — Мена; 6 — Нижняя Сыроватка; 7 — Колосково, 8 — Углы; 9 — Цепляево Первое; 10 — Трубчевск; 11 — Суджа; 12 — Гапоново; 13 — Козиевка — Новая Одесса; 14 — Великих Будков; 15 — Валуйки; 16 — Блажки; 17 — Куриловка.

чевским, а затем и самим О.М. Приходнюком, не было обнаружено ни самих вещей мартыновского типа, ни следов их изготовления (см. каталог ювелирных изделий с указанием обстоятельств находки, помещенных в издании¹²). Более того, идея О.А. Щегловой, что в составе так называемых антских кладов первой группы имеются не только комплексы-«ларчики» (семейные сокровища), но и клады ювелиров (например, Трубчевский и Великобудковский¹³), вообще ставит под сомнение наличие в VII в. в Среднем Поднепровье особых юве-

¹²Приходнюк О.М. Пастирське городище. С. 31–60.

¹³Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды. С. 137; Она

лирных центров. По всей видимости, металлические украшения, типа входящих в состав кладов, изготавливались в разных местах региона. Трубчевск, например, находится в Подесенье — довольно далеко от Пастырского городища.

Военные действия в Поднепровье, в которых элита местного общества и обслуживающие ее ремесленники-ювелиры в значительной степени оказались уничтоженными, интерпретируются по-разному: или как нападения хазар на территорию, занятую антами, или как войны между разными группировками славян, приведшие к заселению Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья выходцами из земель, лежащих к западу от Днепра (культурная группа типа Сахновки-Волынцево). По мнению большинства исследователей, это событие (или цепочка событий) происходит во второй половине VII в.¹⁴ При дальнейшем изложении за основу будет взят именно ареал кладов типа Мартыновского, как территория неких общественных организмов, элита которых составляла политическое единство и совместно выступала в войнах второй половины VII в.

По всей видимости, в то же самое время, что и в лесостепной зоне, какие-то военные действия происходили и в Могилевском Поднепровье, где на городищах Кисели, Вежки, Никодимово в слоях пожара с явными следами военного разгрома найдены серии вещей, характерных для антских кладов первой группы¹⁵ или близких к ним.

же. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

¹⁴Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 45; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 144–148; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события; Приходнюк О.М. Военно-политический союз антов и тюркский мир // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Т. VII. С. 157. Оригинальное мнение по поводу даты сокрытия кладов высказал А.В. Комар. Он считает, что клады мартыновского типа можно разделить на две хронологические группы. К поздней из них, синхронной периоду III выделенной им в степях перещепинской культуры (669–698 гг. без «калибровки по историческим событиям»), относятся комплексы из Хашков, Мартыновки и Гапоново, к ранней, соответствующей периоду II степных древностей (643–669 гг.) — все прочие (Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 125–128). Это деление мне представляется искусственным. О.А. Щеглова и В.Е. Родинкова достаточно наглядно показали, что основной состав женских украшений из кладов мартыновского типа един (хотя и имеет локальную специфику). Набор вещей из кладов различается лишь по степени сохранности комплексов и их характеру («семейные сокровища» или «клады ремесленников»). Интересно, что несмотря на «новый взгляд», общая дата сложения вещевых наборов кладов (около середины — второй половины — конца VII в.) у А.В. Комара остается такой же, как и у других исследователей.

¹⁵Седин А.А. Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. V. Магілёў, 1994; Седин А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии // Труды VI Меж-

Памятники колочинской и пеньковской культур. По данным, собранным В.Е. Родинковой и М.М. Казанским, предметы тех типов, которые входили в состав кладов первой группы, неоднократно найдены на поселениях и могильниках колочинской и пеньковской культур, в том числе и в ареале кладов мартыновского круга¹⁶. Гапоновский и Великобудковский клады происходят с поселений колочинской культуры. Таким образом, можно считать установленным, что убор с украшениями, типа происходящих из кладов, носило пеньковское и колочинское население лесостепного Поднепровья, которое большинство исследователей считает раннеславянским, причем пеньковскую культуру устойчиво отождествляют с антами¹⁷. На пражских памятниках северо-западной части Среднего Поднепровья вещи мартыновского круга отсутствуют, а в целом, к западу от Среднего Поднепровья они редки¹⁸. В этнографическом отношении пражское население, очевидно, было иным.

Необходимо отметить, что ареал кладов мартыновского типа значительно меньше, чем территории колочинской и пеньковской культур. Первая из них охватывает север лесостепного Поднепровья, Днепропровского Левобережья и бассейна Северского Донца, южную часть лесного Поднепровья, Подесенье; вторая — лесостепь от Оскола на востоке до Поднестровья на западе¹⁹. Выразительные комплексы пеньковской керамики из Нижнего Подунавья приводят С. Ангелова и Р. Колева²⁰. «Антские» клады первой группы распространены на юго-востоке колочинского ареала и на востоке пеньковского.

Групоположения с вещами мартыновского круга. Особый тип памятников составляют женские ингумации с фибулами, браслетами, ожерельями и другими украшениями, аналогии которым известны в антских кладах первой группы. Эти погребения были как грунтовыми, так и впускными в более ранние курганы. Первые упоминания

дународного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.; *Родинкова В.Е., Седин А.А.* Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004.

¹⁶ *Гавриутухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад. С. 155–162; *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I–VII s.a. J.-C.). P., 1999. P. 104–108.

¹⁷ *Приходнюк О.М.* Анти, склавини та венеди.

¹⁸ *Родинкова В.Е.* Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э.: Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13). М., 2010.

¹⁹ *Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001. Рис. 69.

²⁰ *Ангелова С., Колева Р.* Археологически данни за ранното славянско заселване в България // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», исторически факултет — специалност археология. София, 1995. № 2. Табл. III–V.

о таких захоронениях появились в работах археологов конца XIX — начала XX вв. А.А. Бобринского, Н.П. Авенариуса, В.Е. Данилевича и А.А. Спицына. Сводка этих комплексов на территории лесостепного Поднепровья первоначально была опубликована В.Е. Родинковой²¹. Некоторые объекты фигурируют в изданном по архивным материалам каталоге украшений круга древностей антов, подготовленном Г.Ф. Корзухиной²². Самый яркий комплекс из этой серии случайно найден в 1996 г. в с. Мохнач у Харькова. В свод В.Е. Родинковой он не вошел, поскольку был издан только в 1998 г.²³ В этом погребении обнаружены практически все детали женского убора мартыновского типа: парные пальчатые фибулы, соединенные цепочкой, пластинчатая фибула, височные кольца, ожерелье, браслеты, гривны, пряжка и наконечник ремня от пояса.

Ингумации с украшениями мартыновских типов концентрируются в лесостепном Поднепровье, но известны и за его пределами (например, в Молдавии на могильнике Данчены²⁴), что, очевидно, свидетельствует о миграциях населения. Особого ареала они не составляют, а расположены чересполосно с пеньковскими памятниками, обнаружены пока только в пеньковском ареале и совершенно отсутствуют в колочинском. Все эти захоронения были либо одиночными, либо составляли небольшие могильники до трех погребений (Максимовка, Алексеевка). Несмотря на то, что перечисленные ингумации находятся в ареале пеньковской культуры, случаев, когда на одних и тех же могильниках они обнаружены вместе с пеньковскими сожжениями, не отмечено.

В отношении этнокультурной принадлежности лесостепных ингумаций с вещами мартыновского набора в советской историографии высказывались две противоположные точки зрения. Эти захоронения либо считали кочевническими, либо связывали с кругом пеньковских древностей²⁵. В последнее время к анализу этих комплексов обращались И.О. Гавритухин²⁶, А.В. Комар²⁷, Е.В. Синица²⁸, автор настоя-

²¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 161–162.

²² Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки.

²³ Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3.

²⁴ Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1996. С. 24–27.

²⁵ Историографию вопроса см.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 122.

²⁶ Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова).

²⁷ Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 126.

²⁸ Синица С.В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita antiqua. Київ, 1999. Вып. 2.

щей статьи²⁹, М.М. Казанский³⁰. Большинство из этих исследователей склонны рассматривать труположения с мартыновскими вещами, как некое особое археологическое явление. Точку зрения об их кочевнической принадлежности поддержал только А.В. Комар³¹.

По моему мнению, есть основания для утверждения, что эти ингумации связаны с традициями как славянского мира, так и населения степной зоны. С одной стороны, в степных погребениях вещи мартыновского круга не известны: они — типичные лесостепные. В захоронении в Мохначе найден биконический лепной горшок, характерный для пеньковской культуры³². С другой стороны, само это погребение совершено в глубокой яме с обширным подбоем, что может рассматриваться, как степная традиция. Подбойные погребения в украинской степи в раннем средневековье хорошо известны (Христофоровка, курган 7, погребение 12, курган 8, погребение 1; Костогрызово; Новая Одесса, курган 1, погребение 3)³³. К степным чертам можно отнести и обычай совершать захоронения в более ранних курганных насыпях.

Погребения кочевников на территории лесостепи. На территории Днепровского лесостепного Левобережья к VII в. относятся комплексы роскошных престижных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка). Исследователями высказывались мнения о принадлежности их либо болгарской, либо хазарской или другой тюркской знати³⁴, но в любом случае эти комплексы связаны с погребальными ритуалами. На Днепровских Порогах в Вознесенке обнаружены ямы с сожжениями, окруженные каменными ритуальными валами, которое А.К. Амброс интерпретировал как тюркский поминальный храм³⁵.

Известны и менее богатые, а также рядовые захоронения гуннского времени и раннего средневековья. Они весьма разнородны и относятся к разным традициям: ранние (Кантемировка, Воронцовка, Орлик) — к позднесарматской, более поздние (Лихачевка, Рябовка-3, Бабичи) — к тюркской, причем в рамках последней имеются вариации, конкретное

²⁹ Гаверитухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 121–122.

³⁰ Kazanski M. Les Slaves. P. 100–101.

³¹ Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 126.

³² Аксенов В.С. Бабенко Л.И. Погребение. Рис. 4–13.

³³ Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 103.

³⁴ Обзор спорных вопросов об этнической атрибуции и хронологии см.: Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 7–8, 85–92.

³⁵ Амброс А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

этнокультурное определение которых пока спорно³⁶. Достоверно синхронным древностям антов первой группы является лишь небольшой могильник в Рябовке-3 на р. Ворсклице, где найдены детали геральдической поясной гарнитуры³⁷. В верхней части заполнения одного из захоронений находилась передняя часть конской туши, что характерно для погребений соседнего степного Поднепровья³⁸. Показательно, что в двух женских захоронениях Рябовки-3 найдены браслеты с расплюснутыми концами, украшенными стилизованными изображениями змеиных головок³⁹. Такие вещи, хотя и распространены широко, но часто встречаются в кладах мартыновского типа (Козиевский-Новоодесский, Колосковский, Хацковский, Трубчевский)⁴⁰. Это лишь один раз подтверждает наблюдение о связи ингумаций, содержащих вещи мартыновского круга в Поднепровье, со степным миром.

Все погребальные комплексы VII в., связанные по происхождению с культурой кочевников-тюрок, на территории днепровской лесостепи локализируются в пределах ареала пеньковской культуры. В области распространения колочинских памятников они не известны.

Элементы культуры кочевников на славянских поселениях.

Свод их собран в нескольких работах О.М. Приходнюка, М.В. Любичева и В.С. Флёрова. Наиболее ярким проявлением кочевнической культуры являются остатки юртообразных построек на пеньковских селищах⁴¹. На поселении Осиповка в Поорелье найдена костяная накладка на лук⁴². О.М. Приходнюк указывает на некоторые технологи-

³⁶ *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V вв. н. э.). М., 2002. С. 80–86; *Обломский А.М.* Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе; *Гавриутхин И.О.* Среднеднепровские ингумации; *Комар А.В.* Погребение кочевника начала VIII в. у с. Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Вып. 5.

³⁷ *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993; *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

³⁸ *Орлов Р.С.* Культура кочевников. С. 103.

³⁹ *Обломский А.М., Тертиловский П.В.* Славянское поселение. Рис. 9–11, 15, 16.

⁴⁰ *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки. Табл. 22 (48–51); 51; 104 (1–5); *Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевский клад. Рис. 9 (8).

⁴¹ Селища: Чернечина, Осиповка, Богатое, Будище (*Русанова И.П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 100–101; *Любичев М.В.* Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начала VIII вв. // Древности. 1994. Харьков, 1994. С. 95. Рис. 2; *Флёров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996; *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. С. 26).

⁴² *Приходнюк О.М.* Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990. Рис. 13 (6).

ческие особенности лепной пеньковской керамики Поорелья (примеси шамота в тесте в сочетании с органикой), которые, по его мнению, имели южное кочевническое происхождение. В ареале колочинской культуры кочевнические элементы пока не обнаружены, кроме фигурки человечка из Мощенки с неоднозначной атрибуцией⁴³.

Ремесленные центры. На территории Поднепровья к ним относятся поселки гончаров в Канцирке и Мачухах⁴⁴. Оба этих комплекса находятся в окружении пеньковских поселений, причем в Надпорожье, где расположена Канцирка, найдена серия вещей мартыновского круга (как на пеньковских селищах, так и случайно)⁴⁵.

Тем не менее, по культуре эти гончарные центры совершенно чужды местным традициям. Керамика, которая там производилась, наиболее близкие аналогии имеет на памятниках Северного Кавказа: окрестностей Кисловодска и Минеральных Вод⁴⁶. По сосудам, которые приводятся в издании А.Т. Смиленко, В.Ю. Малашев сделал вывод о синхронности канцирских мастерских тем периодам относительно хронологии эталонного для Кисловодской котловины могильника Мокрая Балка, для которых характерно использование развитой геральдической поясной гарнитуры (IIa — IIIб), что в абсолютных датах по И.О. Гавритухину соответствует концу VI — второй половине VII — началу VIII в.⁴⁷ Это — максимально широкие хронологические рамки канцирского сгустка памятников. Большая часть продукции канцирских мастеров, судя по описаниям, которые приводит А.Т. Смиленко, относится к этапу IIIб Мокрой Балки и, возможно, к несколько более позднему времени, т. е. расцвет гончарного центра датируется второй половиной VII — началом VIII в.

По всей видимости, на финале пеньковской культуры начал работать центр на Пастырском городище, где непосредственных следов производства пока не найдено, но авторами раскопок отмечается повышенная концентрация гончарной керамики, получившей назва-

⁴³ Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации. С. 210–211.

⁴⁴ См. публикация: Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб, 1911. Т. 43. С. 116–118; Смиленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975. С. 118–140.

⁴⁵ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 159–162; Приходнюк О.М. Пеньковская культура. С. 156–158.

⁴⁶ Минаева Т.М. Кераміка балки Канцирки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Київ, 1961. № 13. С. 119–128; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 123.

⁴⁷ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад. С. 83, 123; Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001. С. 47–48.

ние «пастырской» (54,75 % от всех форм сосудов)⁴⁸. Как и посуда из Мачух и Канцирки, пастырская керамика не имеет местных днепровских корней. Ее прототипы находят в балкано-дунайском регионе, где близкая к пастырской керамика сформировалась на основе традиций провинциально-римского и ранневизантийского гончарства⁴⁹.

При анализе гончарных центров необходимо ответить на вопрос, кто же был потребителем их продукции?

Отмечу, что в Канцирке исследован не единичный горн, а три производственных поселка с 18-ю гончарными печами; причем ни один из памятников не раскопан полностью. Продукция такого центра должна быть достаточно массовой и расходиться далеко от места изготовления. Тем не менее, по сводке О.М. Приходнюка канцирская гончарная керамика встречена всего лишь на трех пеньковских поселениях (Сушки, Семенки, Будище). Я.В. Володарец-Урбанович и А.В. Скиба добавляют еще четыре (Вовки, Григоровка, Любимовка, Семенки)⁵⁰. При этом она представлена, как правило, единичными черепками и ни на одном из памятников не составляет даже 1 %⁵¹. Подавляющее большинство известной нам канцирской керамики найдено на поселениях в Балке Канцирке и в Мачухах, т. е. в самих гончарных центрах.

Почти вся посуда пастырского типа сосредоточена на Пастырском городище. Как и в случае с канцирской керамикой, находки обломков сосудов, которые можно считать пастырскими, на пеньковских памятниках довольно редки. Такая керамика обнаружена в Сушках, Новоселице, Балке Яцевой, Хитцах, Вильховчике, Семенках, Самчинцах, Тростянце, Селиште и в нескольких других пунктах в виде единичных черепков, но это — по всей территории пеньковской культуры, т. е. не только в Поднепровье, но и в бассейне Южного Буга и в Молдавии. Лишь на поселениях Ханска-1 и 2 в Молдавии ее насчитывается 1,6–1,7 %⁵². На памятниках колочинской культуры гончарной керамики нет вовсе.

Таким образом, изготовленная на гончарном круге пастырская и канцирская керамика антскими племенами лесостепного Поднепровья использовалась лишь в мизерном количестве. По всей видимости, основным потребителем ее было другое население.

⁴⁸ Приходнюк О.М.. Пастырське городище. С. 60.

⁴⁹ Историю вопроса и аналогии см.: Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 63–65.

⁵⁰ Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарный посуд. С. 38.

⁵¹ Приходнюк О.М. Пеньковская культура. С. 35, Табл. VII.

⁵² Там же. С. 35. Табл. VII; Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 63; Володарец-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарный посуд. С. 36.

Из захоронений кочевников происходят исключительно лепные сосуды⁵³, что, по всей видимости, объясняется спецификой погребального ритуала. Тем не менее, находки гончарной керамики в комплексах, связанных с культурой кочевников все же известны. Обломки как канцирских, так и пастырских сосудов найдены в объектах второго (позднего) горизонта поселения Стецовка, среди сооружений которого зафиксированы и остатки юртообразного жилища⁵⁴. Канцирская керамика происходит из валов Вознесенского ритуального комплекса⁵⁵. М.М. Казанский обратил внимание на находки обломков сосудов, близких к канцирско-мачухскому кругу, на некоторых памятниках Полтавщины (Полузорье-2, Лаврики, Белоконы, Чередняки, постройка 9 Вовков), которые по набору лепной керамики отличаются от пеньковских. Он интерпретировал эти памятники, как стойбища кочевников⁵⁶.

Жители Пастырского, кроме гончарства, занимались черной металлургией и металлообработкой, изготовлением украшений⁵⁷. Как уже отмечалось выше, там зафиксированы, тем не менее, следы производства не изделий мартыновского круга, а более поздних — второй группы древностей антов по О.А. Щегловой, большинство типов которых, как и пастырская гончарная керамика, по происхождению связаны с территорией Подунавья⁵⁸. Факт наличия на Пастырском городище кладов второй группы и отдельных вещей этого круга, а также инструментов для их изготовления, хорошо согласуется с находками пастырской керамики не только на пеньковских поселениях, но и на ранних селищах последующего периода Сахновки-Волынцева, с которым и связывают «антские» изделия второй группы. Обломки гончарных пастырских сосудов на поселении Александровка-1 в Подесенье

⁵³ Орлов Р.С. Культура кочевников. С. 103.

⁵⁴ Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения у с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 24–25, 32–34.

⁵⁵ Сміленко А.Т. Слов'яни. С. 155.

⁵⁶ Казанский М.М., Серeda Д.В. Поселение пеньковской культуры. С. 24. Сомнения в принадлежности гончарной керамики из этих памятников к канцирскому кругу высказал А.В. Комар. Он считает ее волынцевской (Комар А.В. Перещепинский комплекс. С. 128). Обломки сосудов, действительно, слишком невелики для точного определения. Для прояснения ситуации желательно было бы исследовать раскопками хотя бы одно из поселений, упомянутых М.М. Казанским.

⁵⁷ Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. Київ, 1998. № 3. С. 12–16.

⁵⁸ Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов»; Приходнюк О.М. Пастырське городище. С. 54–57.

Р.В. Терпиловский и А.В. Шекун относят именно к этому горизонту⁵⁹. Фрагмент пастырского горшка происходит из заполнения сахновского жилища 2 поселения Шоссейное на Северском Донце⁶⁰. Пастырское городище, таким образом, возникло где-то на финале пеньковской культуры (хотя по набору керамики и типам построек оно к ней и не относится) и, очевидно, существовало и на сахновско-волынцевском этапе истории лесостепного Поднепровья. Разгром того времени, когда в землю выпали клады мартыновского типа, оно пережило, и было сожжено несколько позже.

Сочетание элементов, историко-культурная модель. Приведенные выше наблюдения показывают, что в ареале кладов мартыновского типа в VII в. существовали две общественные структуры, которые могут быть условно названы пеньковско-кочевнической и колочинской.

Элементы первой из них охватывают пеньковскую часть ареала комплексов типа Мартыновки (практически все Среднее Поднепровье, кроме северной его части, юг Днепровского лесостепного Левобережья и бассейна Северского Донца — Оскола, Днепровские Пороги). Основным компонентом оседлого населения этого региона были носители пеньковской культуры (анты). Здесь же зафиксированы разнообразные элементы степной культуры: юртообразные жилища (в том числе и на пеньковских поселениях), возможно, остатки кочевий, погребальные комплексы кочевников (как рядовых, так и знати), женские ингумации с вещами мартыновского круга и степными чертами погребального обряда, поминальный храм в Вознесенке. Памятники культуры кочевников и смешанные пеньковско-кочевнические расположены чересполосно с пеньковскими поселениями и занимают ту же самую территорию: они известны в нижней и средней части бассейна Ворсклы, в Поорелье, на Порогах, в Среднем Поднепровье.

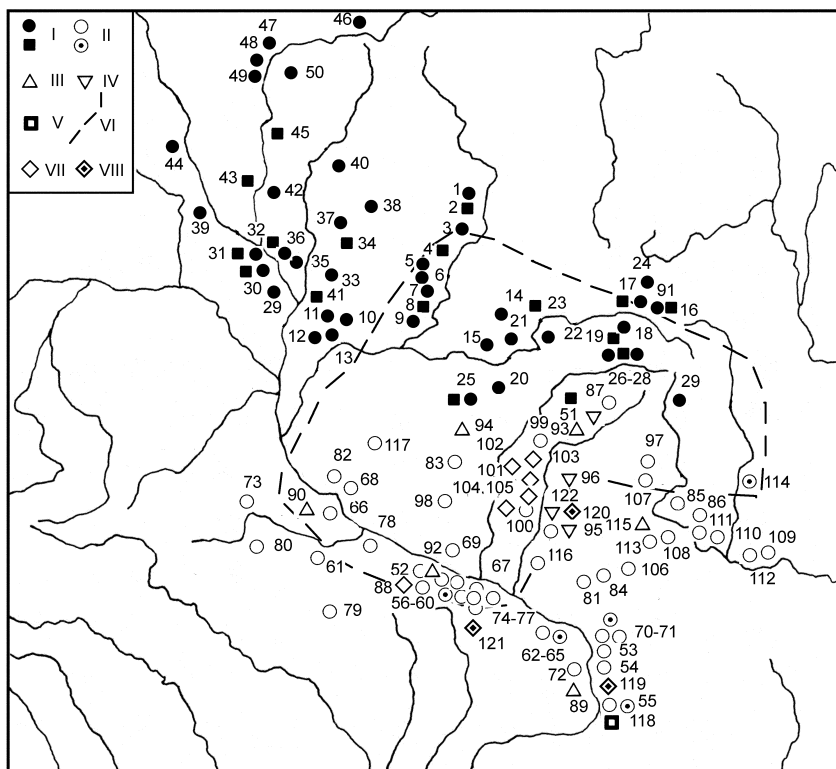
Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что связь кочевого и оседлого пеньковского населения не ограничивалась соседскими контактами, была достаточно тесной и имела форму симбиоза. Маршруты перекочевков степняков охватывали всю пеньковскую территорию в Поднепровье вплоть до ее северных границ, о чем свидетельствует могильник Рябовка-3 на р. Ворсклице. Тюркские по происхождению семьи жили в пеньковских поселках, т. е. в общинах антов. Женские

⁵⁹ Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 — багатощарове ранньслов'янське поселення біля Чернігова. Чернівці, 1996. С. 39–42.

⁶⁰ Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. 1987. № 4. Рис. 6 (1).

погребения-ингумации с мартыновскими вещами, совершенные вне общинных пеньковских кладбищ, вероятно, представляют собой захоронения жен — славянок из тюркских семейств или славянок — рабынь кочевников. Интересно, что эти женщины в имущественном отношении не были однородными. Погребение в Мохначе было довольно богатым, происходящие из него вещи по количеству сопоставимы со средним антским кладом первой группы. В прочих захоронениях найдены лишь отдельные предметы.

В состав общества, следовательно, входили как анты, так и кочевники-тюрки. Каждый из народов имел свою знать. Свидетельством ее наличия у пеньковского населения являются богатые мартыновские клады (Мартыновский, Козиевско-Новоодесский, Гапоновский, Суджанский), у кочевников — наборы роскошных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка). Кочевая знать в этом объ-

единении, очевидно, главенствовала. Ее комплексы — куда более богатые, чем антские.

Проникновение кочевников в лесостепь, по всей видимости, не ограничивалось просто завоеванием пеньковской территории в Поднепровье. Имеются свидетельства попыток создания в регионе баз обеспечения населения. Таковыми являются ремесленные центры (Канцирка, Мачухи, Пастырское), продукция которых, в первую очередь, гончарная керамика, использовалась в большей степени кочевниками и в меньшей — антами (пеньковским населением). Ювелирные укра-

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в лесостепном Поднепровье в VII в.

I — поселения и могильники колочинской культуры, кроме заведомо ранних; II — поселения и могильники пеньковской культуры, кроме заведомо ранних; III — ингумации с вещами круга мартыновскогоклада; IV — погребальные комплексы кочевников; V — поминальный храм; VI — ареал кладов мартыновского типа; VII — кочевья; VIII — ремесленные центры.

1 — Мансурово; 2 — Усох; 3 — Макча; 4 — Кветунь; 5 — Синьково-Дмитрово; 6 — Посудичи; 7 — Случевск; 8 — устье р. Смячь; 9 — Лёвкин Бугор; 10 — Ровчак; 11 — Роище; 12 — Выгоры-1; 13 — Александровка-1; 14 — Некрасово; 15 — Харьковка; 16 — Лебязье-1; 17 — Авдеево; 18 — Казачья Локня (Замошанская дюна); 19 — Княжий; 20 — Великие Будки; 21 — Пески; 22 — Гапоново; 23 — Артюшково; 24 — Каменево-2; 25 — Артоховка; 26–28 — Картамышево-1,2,3; 29 — Шишино-5; 30 — Новый Быхов; 31 — Тайманово; 32 — Нижняя Тошица; 33 — Носовичи; 34 — Демьянки; 35 — Гомель; 36 — Калиновка; 37 — Новые Горомыки; 38 — Золотомино; 39 — Прудок; 40 — Нисимковичи; 41 — Колас; 42 — Ходосовичи; 43 — Колосы; 44 — Щатково; 45 — Воронино; 46 — Близнаки; 47 — Черкасово; 48 — Кисели; 49 — Вежки; 50 — Никодимово; 51 — Бездрик; 52 — Будище; 53 — Васильевка (низовья р. Вороной); 54 — Васильевка (Любимовская Забора); 55 — Васильевка (о-в Кизлевый); 56–60 — поселения и могильник у с. Андрусовка; 61 — Вильховчик; 62–65 — поселения и могильники у с. Волошское; 66 — Григоровка; 67 — Деревка; 68 — Домантово; 69 — Жовнин; 70–71 — поселения и могильник у с. Игрень; 72 — Звонецкое; 73 — Белая Церковь; 74–77 — поселения у с. Пеньковка; 78 — Крещатик; 79 — Беляевка; 80 — Завадовка; 81 — Осиповка; 82 — Сушки-1; 83 — Хитцы; 84 — Чернечина; 85 — Занки; 86 — Задонецкое; 87 — Рябовка-3; 88 — Стецовка; 89 — Алексеевка; 90 — Мартыновка; 91 — Воробьевка-2; 92 — Балаклея; 93 — Березовка; 94 — Поставмуки; 95 — Новые Санжары; 96 — Малое Перещеино; 97 — Фески-3; 98 — Засулье; 99 — Бельск; 100 — Полузерь-1; 101 — Полузерь-2; 102 — Вовки; 103 — Лаврики; 104 — Белокопи; 105 — Чередняки; 106 — Богатое; 107 — Соколово; 108 — Нижний Бишкинь-1; 109 — Виделиха; 110 — Бондариха; 111 — Раковка-1; 112 — Богородичное; 113 — Сухая Гомольша; 114 — Яблонево; 115 — Мохнач; 116 — Прогресс; 117 — Корнеевка; 118 — Вознесенка; 119 — Балка Канцирка; 120 — Мачухи; 121 — Пастырское; 122 — Макуховка.

шения, изготовленные на Пастырском городище, носили славянки, но уже последующей, пост-антской эпохи. Показательно, что население общин ремесленников не имело местного происхождения и было перемещено в Поднепровье с довольно отдаленных от этого региона территорий (с Северного Кавказа и из Подунавья).

Таким образом, в южной части лесостепного Поднепровья в VII в. существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Очевидно, она представляла собой раннегосударственное образование. Похожее соотношение кочевнических и оседлых земледельческих элементов зафиксировано, например, в Аварском каганате⁶¹. М.М. Казанский весьма образно охарактеризовал антскую эпоху, как «степной период славянской истории»⁶².

К сожалению, мы пока не располагаем данными о времени сложения этой структуры на территории юга днепровской лесостепи. Сведения, которые доступны, относятся к периоду использования населением украшений мартыновского набора, т. е. к VII в., причем большая часть вещей происходит из кладов периода разгрома днепровского лесостепного населения. Надеюсь, что прояснить вопрос о начальной дате *славяно-кочевнического раннего государства в Поднепровье* поможет полная публикация по комплексам материалов Балки Канцирки и Пастырского, что пока не сделано. Дискуссия о хронологии и периодизации лесостепных кочевнических комплексов также пока далека от завершения.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, т. е. в ареале колочинских памятников, известны клады мартыновского типа (Гапоновский, Суджанский, Великобудковский, Трубчевский), находки вещей мартыновского круга на колочинских поселениях и в погребениях. Элита колочинского населения (по крайней мере, южной части ареала этой культуры), таким образом, имела тот же престижный убор, что и южные соседи-анты. Какие-либо элементы культуры кочевников (за исключением наконечников стрел, которые в раннем средневековье были интернациональным оружием) и гончарная керамика южных производственных центров здесь отсутствуют. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не

⁶¹ Kazanski M. Les Slaves. P. 67–72; Лукина С.Г. Аварский каганат в системе культурно-исторического взаимодействия эпохи Великого переселения народов (концепция Вальтера Поля) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.

⁶² Казанский М.М., Серeda Д.В. Поселение пеньковской культуры. С. 25.

испытывали. Колочинское общество было этнически монолитным и более однородным в социальном отношении, чем южное. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет.

Тем не менее, в результате войн конца VII в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в равной степени пострадала верхушка как колочинского, так и пеньковско-кочевнического обществ. Судьбы южного и северного населения оказались, практически, одинаковыми: они потеряли культурно-этнографическое своеобразие и растворились в среде пришельцев⁶³. По всей видимости, в войнах конца VII в. южное и северное днепровские общественные образования выступали на одной стороне и в союзе друг с другом против общего врага.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3.

Амброз А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982.

Ангелова С., Колева Р. Археологически данни за ранното славянско заселване в България // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», исторически факултет — специалност археология. София, 1995. № 2.

Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 1 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 3.

Бажан И.А. Двупластинчатые, пальчатые и зооантропоморфные фибулы из случайных находок на территории Восточной Европы (2009–2011). Часть 2 // Корпус случайных археологических находок. М., 2011. № 6.

Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1.

⁶³О колочинских и пеньковских элементах на памятниках волынцевского культурно-хронологического горизонта см.: *Щеглова О.А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. М., 1986. Вып. 187.

Баран В.Д. Давні слов'яни // Україна крізь віки. Київ, 1998. № 3.

Баран В.Д. Процеси східнослов'янського культурогенезу в другій половині I тис. н. е. // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001.

Володарець-Урбанович Я.В., Скиба А.В. Гончарний посуд VII–VIII ст. на Півдні Східної Європи // Археологія. Київ, 2011. № 2.

Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. М., 2009.

Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. 1992. № 1.

Дьяченко А.Г. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.

Казанский М.М., Середа Д.В. Поселение пеньковской культуры Полузорье-1 на Полтавщине // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. № 5.

Комар А.В. Погребение кочевника начала VIII в. у с. Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Вып. 5.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Т. V.

Лукина С.Г. Аварский каганат в системе культурно-исторического взаимодействия эпохи Великого переселения народов (концепция Вальтера Поля) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начала VIII вв. // Древности. 1994. Харьков, 1994.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 гг. // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб, 1911. Т. 43.

Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.

Минаева Т.М. Кераміка балки Канциркі в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Київ, 1961. № 13.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н. э.). М., 2002.

Обломский А.М. О способе организации гончарного производства на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2.

Обломский А.М. Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.

Обломский А.М. Гончарные центры на территории Восточноевропейской лесостепи V–VIII вв. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. 1987. № 4.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 1.

Орлов Р.С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

Приходнюк О.М. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. Київ, 1998. № 3.

- Приходнюк О.М.* Фибулы Пастырского городища // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2000.
- Приходнюк О.М.* Военно-политический союз антов и тюркский мир // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Т. VII.
- Приходнюк О.М.* Анти, склавіни та венеди в світлі історичних та археологічних джерел // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001.
- Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001.
- Приходнюк О.М.* Відносини східних слов'ян із тюркомовним світом // Старожитности I тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.
- Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.* Трубчевський клад антського времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Рафалович И.А.* Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1996.
- Рашев Р.* Прабългарите през 5–7 вв. Велико Търново, 2000.
- Родинкова В.Е.* Локальные разновидности женского металлического убора VII в. в Поднепровье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Тез. конф. М., 2003. [Ч.] II.
- Родинкова В.Е.* Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. М., 2003. Вып. 215.
- Родинкова В.Е.* Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова — Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2004.
- Родинкова В.Е.* К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (простые формы) // РА. 2006. № 3.
- Родинкова В.Е.* Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4.
- Родинкова В.Е.* Пальчатые фибулы Южного Побужья // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. Вып. 13). М., 2010.
- Родинкова В.Е. Седин А.А.* Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004

Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.

Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения у с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Седин А.А. Клад из городища Никодимово // Магіл'ёўшчына. V. Магіл'ёў, 1994.

Седин А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М., 1982.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Синиця Є.В. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пенківської культури // Vita antiqua. Київ, 1999. Вып. 2.

Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975.

Терпиловський Р.В. Шекун О.В. Олександрівка-1 — багаточислове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.

Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волинцевского типа // КСИА. М., 1986. Вып. 187.

Щеглова О.А. Вещи дунайского происхождения в поздних кладах «древностей антов» // Тез. историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 мая 1990 г.). Чернигов, 1990.

Щеглова О.А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Щеглова О.А. Среднее Поднепровье конца VII — первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2000.

Щеглова О.А. Клады «древностей антов»: возможности историко-культурной интерпретации на фоне историографии // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на

Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Щеглова О.А. «Тайна пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей» // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международный конф., посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (тез. докл.). СПб., 2006.

Щеглова О.А. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I–VII s.a. J.-C.). P., 1999.

Pekarskaja L.V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck, 1994.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу геополитической и этнополитической ситуации VII в. н. э. в Восточной Европе. Археологические материалы позволяют констатировать, что в южной части лесостепного Поднепровья в это время существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Она представляла собой своеобразное раннее государство. В него входила славянская пеньковская культура, соотносимая с «антами» письменных источников. Доминировала в нем кочевническая элита.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, т. е. в ареале колочинских памятников, сформировалась другая этнопотестарная структура. Элита этого колочинского населения (по крайней мере, южной части ареала этой культуры имела тот же престижный убор, что и южные соседи-анты. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не испытывали. Колочинское общество было этнически монолитным и более однородным в социальном отношении, чем южное. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет.

В результате войн конца VII в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в равной степени пострадала верхушка как колочинского, так и пеньковско-кочевнического обществ. Судьбы южного и северного населения оказались, практически, одинаковыми: оно потеряло культурно-этнографическое своеобразие и «растворилось». По всей видимости, в войнах конца VII в. южное и

северное днепровские общественные образования выступали на одной стороне и в союзе друг с другом против общего врага.

Ключевые слова: VII век, ранние славяне, анты, «древности антов», клады, Пеньковская культура, Колочинская культура, археология, этнополитическая реконструкция.

ABSTRACT

This article analyzes the geopolitical and ethno-political situation in the 7th century AD in Eastern Europe. Archaeological materials allow to state that in the southern steppe Dnieper at this time there was a political structure of mixed Slavic-Turkic population, with its own elite and elements of infrastructure (industrial centers). It was an “early state” (or “complicated chiefdom”). The Slavic Penkovskaya culture correlates with “Antes” in written sources was a part of it. In this “early state” dominated the nomadic elite.

In the northern part of the Dnieper-Donets steppe, in the area of Kolochinskaj culture formed another social and ethnic structure. The elite of this population (at least in the southern area of this culture) had the same prestigious ensemble that their southern neighbors Antes. Direct impact of nomads their not experienced. This society was ethnically more homogeneous and monolithic socially than the south “early state”. No signs of state-formation were found.

As a result of wars at the end of 7th century both societies were destroyed. The fate of southern and northern populations were practically identical: it lost its cultural identity and ethnographic dissolved. Apparently, in the wars of the end of 7th century two societies were on one side and in conjunction with each other against a common enemy.

Key words: 7th century, the early Slavs, Antes, “Antes’ antiquities”, buried treasure, Penkovskaya Culture, Kolochinskaya culture, archeology, ethno-political reconstruction.